

Глава 8. Торжественная церемония

[Тема: Переведённый студент по фамилии Линь снова влип в историю]

[Автор]: Каждый день новая история, одна другой краше! Подробности раскрывать не буду, но, в общем, он сцепился с Олдричем, но тут внезапно появился Огава и, можно сказать, спас его!

[#1]: Если бы мне осталось жить четыре дня, я бы поступил как он: сегодня избил бы Галиана, завтра — Нотли, послезавтра — Огаву Нацую, а в последний день — тех двух новичков из кланов Ци и Цзи.

[#2]: А почему Цудзи Ниномаэ не избил? Времени не хватило?

[#3]: Похоже, он и Огаву успел охмурить. Сколько он тут учится? Уже двое ради него в рыцарей на белом коне играют.

[#4]: Честно говоря, мордашка у него симпатичная. Интересно, увидим ли мы когда-нибудь драку между Огавой и Цудзи?

[#5]: Вечно вы ноете, что он кого-то охмурил. Может, вы просто завидуете, что он не вас охмурил? Если завидуете, так и скажите, а то ведёте себя как латентные геи. Каждый раз захожу в «Исповедальню», а тут только и разговоров, что об этом студенте.

[#6]: А почему студент особого набора вообще оказался в охотничьих угодьях? Разве им туда не запрещено входить?

В «Анонимной исповедальне» царил настоящий хаос, мнения разделились.

Любопытство студентов разгорелось. Все знали, что в охотничьих угодьях что-то произошло, но что именно — оставалось загадкой, приходилось довольствоваться пересказами очевидцев.

Казалось, они были готовы отправиться в прошлое, чтобы проследовать за Линь Тинвэем и увидеть всё своими глазами.

Линь Тинвэй пролистал страницу вниз.

В поле для ответа виднелся набранный текст из двух-трёх сотен иероглифов, опровергающий слухи о том, что он «охмурил» Огаву Нацую.

Нетрудно было догадаться, что именно это и печатал Чжун Си, когда он подошёл.

Линь Тинвэй вернул ему телефон:

— Не стоит с ними спорить. Просто читай ради развлечения.

Такое безразличие озадачило Чжун Си. Он не понимал, как Линь Тинвэй, находясь в эпицентре этих слухов, мог так спокойно относиться к тому, что о нём говорят, ведь слова были такими обидными.

Линь Тинвэй, казалось, всегда был таким — спокойным и отстранённым.

— Но они говорят, что ты и Огава Нацуя... — с трудом выдавил из себя Чжун Си.

Закончить фразу он так и не смог.

Линь Тинвэй сел рядом и небрежно положил пакет с лекарствами ему на колени, вовремя прервав его:

— Они считают, что я его охмурил. Это что, плохо?

Первой реакцией Чжун Си был вопрос: «А разве нет?»

Но слова застряли у него в горле.

— Если бы это было правдой, — медленно и небрежно предположил Линь Тинвэй, — как думаешь, стал бы кто-нибудь ко мне лезть?

Если бы он действительно был связан с Огавой Нацуйей, то связываться с ним означало бы связываться с самим президентом.

Чжун Си замолчал.

Спустя мгновение он молча удалил набранный текст.

Похоже, он всё понял.

— Но всё равно спасибо, — сказал Линь Тинвэй.

Услышав это, Чжун Си на миг замер.

Стерев последнее слово, он, словно что-то вспомнив, повернулся к Линь Тинвэю, и в его глазах блеснул огонёк:

— Можешь дать мне свой номер?

Линь Тинвэй молча достал телефон и показал ему экран с контактами.

Большую часть времени Линь Тинвэй молчал. Он всегда выглядел спокойным, как гладь воды, и по его лицу было трудно угадать, что он чувствует.

Молчаливый, спокойный, одинокий.

Таким было его первое впечатление о нём.

В Линь Тинвэе было что-то особенное.

Хотя Чжун Си и не разделял клеветнических домыслов из «Исповедальни», в одном он был с ними согласен — Линь Тинвэй определённо не был обычным студентом особого набора.

Чжун Си быстро сохранил номер.

— Если что, пиши, — сказал Линь Тинвэй, сделав паузу, и добавил: — Лучше после обеда.

— А утром нельзя? — с любопытством спросил Чжун Си.

— Если утром нет дел, — причина, названная Линь Тинвэем, была на удивление проста, — я сплю.

Сегодня он проснулся так рано только из-за капельницы, иначе бы проспал до полудня.

Сразу после пробуждения он обычно был не в настроении отвечать на сообщения. Ему требовалось как минимум полчаса, чтобы прийти в себя.

— Понял, — серьёзно кивнул Чжун Си.

На этом моменте Линь Тинвэй решил, что пора переходить к главному.

— Студенческий совет в Сивиль отличается от советов в обычных школах? — спросил он.

— Они отвечают за многое в академии, у них огромная власть. Многие его члены после выпуска попадают в правительство, — медленно объяснил Чжун Си. — Поэтому конкуренция за место в совете очень жёсткая.

Линь Тинвэй выделил для себя ключевую мысль:

— Они попадают в правительство благодаря студсовету или благодаря связям своих семей?

Чжун Си на несколько секунд задумался и осторожно ответил:

— Думаю, студсовет играет бóльшую роль. Но чтобы попасть в него, уже нужны определённые семейные связи.

Это был именно тот ответ, который Линь Тинвэй хотел услышать. Он поджал губы, размышляя.

— Кажется, все очень боятся президента. Почему?

— Боятся не столько президента, сколько клан Огава.

Чжун Си говорил намёками. Клан Огава имел древнюю историю и огромное влияние, особенно в Дунъине и Силане. С таким происхождением было непонятно, зачем Огаве Нацу вообще понадобилось вступать в студсовет, да ещё и становиться его президентом.

— У него тоже есть мозоли на руках, похожие на те, что остаются от стрельбы. Он кажется опасным, — Линь Тинвэй сменил тему. — В этом семестре уже был набор в студсовет?

— О наборе должны объявить на торжественной церемонии в следующий понедельник, — Чжун Си поделился всей известной ему информацией. Он посмотрел на Линь Тинвэя и с сомнением добавил: — Но студенту особого набора попасть в студсовет будет непросто.

Услышав вопрос Линь Тинвэя, Чжун Си сразу понял, что тот задумал. Он подумал, что Линь Тинвэй, будучи новичком, просто не знает здешних негласных правил.

Ему не хотелось его расстраивать, но он чувствовал, что должен его предупредить.

Линь Тинвэй тихо рассмеялся. Ему определённо нравилось общаться с умными людьми — это сэкономило время. Это был первый раз за сегодня, когда он так открыто проявил эмоции.

— Как можно знать наверняка, не попробовав? — сказал он. — Когда я не вытянул красный жребий, мне тоже говорили, что у меня нет ни единого шанса попасть в Сивиль. Но я всё-таки здесь.

Для Линь Тинвэя не существовало ничего невозможного, пока он не попробовал это сам.

Любое дело, за которое он ещё не брался, имело право на успех.

Торжественная церемония не заставила себя ждать.

Линь Тинвэй вместе с другими студентами прибыл в актов́ый зал.

У входа стояли вооружённые охранники, а студенты один за другим проходили через металлодетекторы, чтобы подтвердить отсутствие опасных предметов.

По дороге в зал Линь Тинвэй всерьёз задумался над одним вопросом.

Если на таком мероприятии, где собраны все студенты, появится террорист с бомбой, то одним ударом можно будет уничтожить всю аристократическую молодёжь федерации.

Кажется, он зря беспокоился.

Пройдя проверку, Линь Тинвэй вошёл в актов́ый зал.

Под ногами лежал мягкий тёмно-красный ковёр, а над головой на равном расстоянии друг от друга висели круглые светильники.

Стены коридора были увешаны портретами всех предыдущих директоров Сивиль. Под каждым портретом висела небольшая белая табличка с именем и годами службы. Судя по всему, каждый директор занимал свой пост от десяти до двадцати лет.

Самый ранний портрет датировался 1870 годом новой эры. Ровно пятьсот лет назад.

Линь Тинвэй подумал, что дизайн не самый удачный. Если даже днём это выглядело так, то что уж говорить о ночи.

«Вечером тут можно кого-нибудь напугать», — подумал он.

Пройдя через коридор и ещё одну большую дверь, Линь Тинвэй наконец увидел сам зал во всём его великолепии.

Места для каждого класса были заранее определены, и его класс, G2CA, оказался в первых

рядах.

Через несколько минут Линь Тинвэй занял своё место во втором ряду, слева от прохода.

Это было первое общешкольное мероприятие такого масштаба, которое он посещал с момента поступления.

Впрочем, по правде говоря, в какой бы школе он ни учился, торжественные церемонии всегда были скучными.

Линь Тинвэй отключился в ту же минуту, как директор вышел на сцену, и пришёл в себя, только когда объявили выступление президента студенческого совета.

Кресла были очень удобными, идеально подходящими для сна, но, учитывая важность события, Линь Тинвэй заставил себя бодрствовать.

К его удивлению, в таком большом зале, где собрались все эти избалованные юноши, не было слышно ни единого шёпота — их аристократическое воспитание наконец-то проявилось.

Все сидели с прямой спиной, сохраняя вид благородный и сдержанный.

Если бы он не видел всё своими глазами, то никогда бы не поверил, что эти же самые люди могут часами спорить в «Анонимной исповедальне» из-за какой-нибудь глупости.

В этой тишине на сцену вышел Огава Нацуя.

Предыдущий оратор, директор, был уже в преклонном возрасте, и физическая немощ давала о себе знать. Из-за сутулости он опустил микрофон на трибуне.

Огава Нацуя, подойдя к трибуне, одной рукой отрегулировал высоту микрофона.

Линь Тинвэй прикинул на глаз — микрофон подняли как минимум на десять сантиметров. В тот день всё произошло так внезапно, что у него не было возможности рассмотреть Огаву как следует.

Рост Огавы Нацуи, должно быть, около ста девяноста сантиметров, а то и выше.

Вопреки стереотипному образу вежливого и мягкого президента студсовета, Огава Нацуя выглядел как высокомерный правитель.

Если бы из его уст прозвучали слова о «заботе о студентах», Линь Тинвэй счёл бы их

абсолютно лживыми. Ему было очень любопытно, что заставило такого человека снизить до должности президента студенческого совета.

Отрегулировав микрофон, Огава Нацуя наконец начал свою речь:

— Приветствую всех, кто сегодня здесь собрался. Я Огава Нацуя.

Линь Тинвэй ожидал стандартного «уважаемые учителя, дорогие студенты».

В его предыдущей школе такие активисты хотя бы из вежливости произносили пару дежурных фраз. Огава Нацуя, похоже, не собирался тратить время на любезности.

Его речь больше напоминала холодное объявление.

Слушая этот голос, искажённый лёгким электрическим шумом, Линь Тинвэй поднял руку и слегка помассировал мочку уха.

Когда он опустил руку, то заметил, что взгляд Огавы Нацуи со сцены остановился на нём.

Он не отвёл глаз, а посмотрел прямо в ответ.

Линь Тинвэй не понимал, что означает этот взгляд.

Он просто смотрел на Огаву Нацую точно так же.

Наконец, Огава Нацуя первым отвёл взгляд.

Он сделал секундную паузу и затем, словно исполняя формальность, объявил о наборе в студсовет:

— Во вторник, то есть завтра, студенческий совет начинает набор на этот семестр.

По сравнению с длинной речью директора, выступление Огавы Нацуи было предельно коротким. Сообщив о деталях набора, он сразу же покинул сцену.

Линь Тинвэй заплодировал вместе со всеми. Речь президента была краткой, но этого было достаточно, и это было её достоинством. Затянутые выступления только мешают уловить суть.

Линь Тинвэй свёл всю суть церемонии к одной фразе.

Завтра в три часа дня, сбор на первом этаже здания студенческого совета.

Он уже выяснил, что студсовет редко принимал студентов особого набора, но это не означало, что таких случаев не было вовсе.

А это означало, что у него есть шанс.

<http://bllate.org/book/13419/1194519>